

Константин Вагинов

Стихотворения и поэмы

Константин Вагинов
Стихотворения и поэмы

«Public Domain»

Вагинов К. К.

Стихотворения и поэмы / К. К. Вагинов — «Public Domain»,

ISBN 978-5-699-22859-1

«Константин Константинович Вагинов был один из самых умных, добрых и благородных людей, которых я встречал в своей жизни. И возможно, один из самых даровитых», – вспоминал Николай Чуковский. Писатель, стоящий особняком в русской литературной среде 20-х годов XX века, не боялся обособленности: внутреннее пространство и воображаемый мир были для него важнее внешнего признания и атрибутов успешной жизни. Константин Вагинов (Вагенгейм) умер в возрасте 35 лет. После смерти писателя, в годы советской власти, его произведения не переиздавались. Первые публикации появились только в 1989 году. В этой книге впервые публикуется как проза, так и поэтическое наследие К.Вагинова.

ISBN 978-5-699-22859-1

© Вагинов К. К.

© Public Domain

Содержание

I. Стихи 1919–1923 гг	6
ПУТЕШЕСТВИЕ В ХАОС	6
Седой табун из вихревых степей...	6
Еще зари оранжевое ржанье...	6
Под пегим городом заря играла в трубы...	6
Бегут туманы в розовые дыры...	7
Надел Исус колпак дурацкий...	7
Вихрь, бей по Лире...	8
Набухнут бубны звезд над нами...	8
Уж сизый дым влетает в окна...	8
Таёт маятник, умолкает...	9
ОСТРОВА	10
О, удалимся на острова Вырождений...	10
Как нежен запах твоих ладоней...	11
Сегодня – дыры, не зрачки у глаз...	11
На набережной	11
В старинных запахах, где золото и бархат...	12
Луна, как глаз, налилась кровью...	13
Есть странные ковры, где линии неясны...	13
Кафе в переулке	14
Мы здесь вдали от сугробов...	15
На палубах Летучего Голландца...	16
Умолкнет ли проклятая шарманка?.	16
Петербургжцы	17
За осоку, за лед, за снега...	17
Вечером желтым как зрелый колос...	17
ПЕТЕРБУРГСКИЕ НОЧИ	19
Перевернул глаза и осмотрелся...	19
I	19
В твоих глазах опять затрепетали крылья...	19
В глазах арапа ночь и горы...	20
У милых ног венецианских статуй...	20
Перевернутся звезды в небе падшем...	20
В воздух желтый бросят осины...	20
Грешное небо с звездой Вифлеемскою...	21
II	21
Синий, синий ветер в теле...	21
Пусть сырою стала душа моя...	21
С Антиохией в пальце шел по улице...	22
Намылил сердце – пусть не больно будет...	22
Бегаёт по полю ночь...	23
III	23
Каждый палец мой – умерший город...	23
В соленых жемчугах спокойно ходит море...	23
Спит в ресницах твоих золоченых...	24
Упала ночь в твои ресницы...	24

	Покрыл, прикрыл и вновь покрыл собою...	24
	Опять у окон зов Мадагаскара...	25
	Камин горит на площади огромной...	25
	Один бреду среди рогов Урала...	25
IV		26
	В нагорных горнах гул и гул, и гром...	26
	И умер он не при луне червонной...	26
	Я встал пошатываясь и пошел по стенке...	26
	Палец мой сияет звездой Вифлеема...	27
	Чернеет ночь в моей руке подъятой...	27
	Темнеет море и плывет корабль...	27
V		28
	Вышел на Карповку звезды считать...	28
	Прохожий обернулся и качнулся...	28
	Ты догорело солнце золотое...	29
	Петербургский звездочет	29
	У каждого во рту нога его соседа...	30
	Стали улицы узкими после грохота солнца...	31
	Все же я люблю холодные жалкие звезды...	31
	Рыжеволосое солнце руки к тебе я подъямлю...	32
	Конец ознакомительного фрагмента.	33

Константин Вагинов

Стихотворения и поэмы

I. Стихи 1919–1923 гг

ПУТЕШЕСТВИЕ В ХАОС

Седой табун из вихревых степей...

Седой табун из вихревых степей
Промчался, все круша и руша.
И серый мох покрыл стада камней.
Травой зеленой всходят наши души.

Жуют траву стада камней.
В ночи я слышу шорох жуткий,
И при большой оранжевой луне
Уходят в камни наши души.

Еще зари оранжевое ржанье...

Еще зари оранжевое ржанье
Ерусалимских стен не потрясло,
Лицо Иоконоанна – белый камень
Цветами зелени и глины поросло.

И голова моя качается как череп
У окон сизых, у пустых домов
И в пустыри открыты двери,
Где щебень, вихрь, круженье облаков.

Под пегим городом заря играла в трубы...

Под пегим городом заря играла в трубы,
И камышами одичалый челн пророс.
В полуоткрытые заоблачные губы

Тянулся месяц с сетью желтых кос.

И завывал над бездной человек нечеловечьи
И ударял в стада сырых камней,
И выходили души на откос Кузнечный
И хаос резали при призрачном огне.

Пустую колыбель над сумеречным миром
Качает желтого Иосифа жена.
Ползут туманы в розовые дыры
И тленье поднимается из ран.

Бегут туманы в розовые дыры...

Бегут туманы в розовые дыры,
И золоченых статуй в них мелькает блик,
Маяк давно ослеп над нашей квартирой,
За бахромой ресниц – истлевшие угли.

Арап! Сдавай скорее карты!
Нам каждому приходится ночной кусок,
Заря уже давно в окне покашливает
И выставляет солнечный сосок.

Сосите, мол, и уходите в камни
Вы что-то засиделись за столом,
И, в погремушках вся, Мария в ресторане
О сумасшедшем сыне думает своим.

Надел Иус колпак дурацкий...

Надел Иус колпак дурацкий,
Озера сохли глаз Его,
И с ликом, вывшим из акаций,
Совокупился лик Его.

Кусает солнце холм покатый,
В крови листва, в крови песок...
И бродят овцы между статуй,
Носами тычут в пальцы ног.

Вихрь, бей по Лире...

Вихрь, бей по Лире,
Лира, волком вой,
Хаос все шире, шире, Господи!
Упокой.

Набухнут бубны звезд над нами...

Набухнут бубны звезд над нами,
Бубновой дамой выйдет ночь,
И над великим рестораном
Прольет багряное вино.

И ты себя как горсть червонцев
Как тонкий мех индийских коз
Отдашь в ее глухое лоно
И там задремлешь глубоко.

Прильни овалом губ холодных
Последний раз к перстам чужим
И в человеческих ладонях
Почувствуй трепетанье ржи.

Твой дом окном глядит в пространство,
Сырого лона запах в нем,
Как Финикия в вечность канет
Его Арийское веретено.

Уж сизый дым влетает в окна...

Уж сизый дым влетает в окна,
Простертый на диване труп
Все ищет взорами волокна
Хрустальных дней разъятую игру.

И тихий свет над колыбелью,
Когда рождался отошедший мир,

Тогда еще Авроры трубы пели
И у бубновой дамы не было восьми.

Тает маятник, умолкает...

Тает маятник, умолкает
И останавливаются часы.
Хаос – арап с глухих окраин
Карты держит, как человеческий сын.

Сдал бубновую даму и доволен,
Даже нет желанья играть,
И хрустальный звон колоколен
Бежит к колокольням вспять.

ОСТРОВА

1919

О, удалимся на острова Вырождений...

О, удалимся на острова Вырождений,
Построим хрустальные замки снов,
Поставим тигров и львов на ступенях,
Будем следить течение облаков.

Пусть звучит музыка в узорных беседках,
Звуки скрипок среди аллей,
Пусть поют птицы в золоченых клетках,
Будут наши лица лилий белей.

Будем в садах устраивать маскарады,
Песни петь и стихи слагать,
Будем печалью тихою рады,
Будем протяжно произносить слова.

Голосом надтреснутым говорить о Боге,
О больном одиноком Паяце,
У него сияет месяц двурогий,
Месяц двурогий на его венце.

Тихо, тихо качается небо,
С тихими бубенцами Его колпак,
Мы только атомы его тела,
Такие же части, как деревьев толпа.

Такие части, как кирпич и трубы,
Ничем не лучше забытых мостов над рекой,
В своей печали не будем мы грубы,
Не будем руки ломать с тоской.

Мы будем покорно звенеть бубенцами,
На островах Вырождений одиноко жить,
Чтоб не смутить своими голосами

Людей румяных в колосьях ржи.

Как нежен запах твоих ладоней...

Как нежен запах твоих ладоней,
Морем и солнцем пахнут они,
Колокольным тихим звоном полный
Ладоней корабль бортами звенит.

Твои предки возили пряности с Явы,
С голубых островов горячих морей.
Помнишь, осколок якоря ржавый
Хранится в узорной шкатулке твоей?

Там же лежат венецианские бусы
И золотые монеты с Марком святым...
Умер корабль, исчезли матросы,
Волны не бьются в его борты.

Он стал призраком твоих ладоней,
Бросил якорь в твоей крови,
И погребальным звоном полны
Маленькие нежные руки твои.

Сегодня – дыры, не зрачки у глаз...

Сегодня – дыры, не зрачки у глаз,
Как холоден твой лик, проплаканы ресницы,
Вдали опять адмиралтейская игла
Заблещет, блещет в утренней зарнице.

И может быть, ночной огромный крик
Был только маревом на обульжненном болоте,
И стая не слетится черных птиц,
И будем слышать мы орлиный клекот...

На набережной

Как бедр твоих волнует острие.

Еще распущены девические косы,
Когда зубов белеющих копье
Пронзает губы алые матросов.

На набережных, где снуют они,
С застывшей солью на открытых блузах,
Ты часто смотришь на пурпурные огни
На черных стран цветные грузы.

В твоей руке колода старых карт,
Закат горит последними углями,
Индийских гор зеленая река
Уснет в тебе под нашими снегами.

И может быть сегодня в эту ночь
Услышу я ее больные зовы,
Когда от кораблей пойдем мы прочь
В ворота под фонарь багровый.

В старинных запахах, где золото и бархат...

В старинных запахах, где золото и бархат
В бассейнах томности ласкают ноздри вам.
Растут левкой белые у золоченых арок,
И море пурпуром сжимает берега.

Среди жеманных, еле слышных звуков,
Там жизнь течет подобно сладким снам.
Какой-то паж целует нежно руки
И розы тянутся к эмалевым губам.

В квадрат очерчены цветочные аллеи,
В овалы налиты прохладные пруды,
И очертание луны серпом белеет
На зеркалах мерцающих воды.

В старинных запахах, где золото и бархат
В бассейнах томности ласкают ноздри вам,
Вы встретите себя у золоченых арок
Держащей белого козленка за рога.

Луна, как глаз, налилась кровью...

Луна, как глаз, налилась кровью,
Повисла шаром в темноте небес,
И воздух испещрен мычанием коровьим,
И волчьим завываньем полон лес.

И старый шут горбатый и зеленый
Из царских комнат прибежал к реке
И телом обезьянки обнаженным
Грозил кому-то в небесах в тоске.

И наверху, где плачут серафимы,
Звенели колокольцы колпака,
И старый Бог, огромный и незримый,
Спектакль смотрел больного червяка.

И шут упал, и ангелы молились,
Заплаканные ангелы у трона Паяца,
И он в сиянье золотистой пыли
Смеялся резким звоном бубенца.

И век за веком плыл своей орбитой,
Родились юноши с печалью вместо глаз,
С душою обезьянки, у реки убитой,
И с той поры идет о Паяце рассказ.

Есть странные ковры, где линии неясны...

Есть странные ковры, где линии неясны,
Где краски прихотливы и нежны,
Персидский кот, целуя вашу грудь прекрасную,
Напоминает мне под южным небом сны.

Цветы свой аромат дарят прохладе ночи,
Дарите ласки Вы персидскому коту,
Зеленый изумруд – его живые очи,
Зеленый изумруд баюкает мечту.

Быть может, это принц из сказки грезы лунной,
Быть может, он в кафтан волшебный облачен,
Звучат для Вас любви восточной струны,
И принц персидский Вами увлечен.

Луна звучит, луна поет Вам серенаду,
Вам солнца ненавистен яркий свет,
Средь винных чар, средь гроздий виноградных
Ваш принц в волшебный мех одет.

Ковры персидские всегда всегда неясны,
Ковры персидские всегда всегда нежны.
Персидский принц иль кот? – Любовь всегда прекрасна.
Мы подчиняемся влиянию луны.

Кафе в переулке

Есть странные кафе, где лица слишком бледны,
Где взоры странны, губы же яркие,
Где посетители походкою неверной
Обходят столики, смотря на потолки.

Они оборваны, движенья их нелепы,
Зрачки расширены из бегающих глаз,
И потолки их давят точно стены склепа,
Светильня грустная для них фонарный газ.

Один в углу сидит и шевелит губами:
«Я новый бог, пришел, чтоб этот мир спасти,
Сказать, что солнце в нас, что солнце не над нами,
Что каждый – бог, что в каждом – все пути,

Что в каждом – города, и рощи, и долины,
Что в каждом существе – и реки, и моря,
Высокие хребты, и горные низины,
Прозрачные ручьи, что золотит заря.

О, мир весь в нас, мы сами – боги,
В себе построили из камня города
И насадили травы, провели дороги,
И путешествуем в себе мы целые года...»

Но вот умолкла скрипка на эстраде
И новый бог лепечет – это только сон,
И муха плавает в шипучем лимонаде,
И неуверенно к дверям подходит он.

На улице стоит поэт чугунный,
В саду играет в мячик детвора,
И в небосклон далекий и лазурный
Пускает мальчик два шара.

Есть странные кафе, где лица слишком бледны,
Где взоры странны, губы же яркие;
Там посетители походкою неверной
Обходят столики, смотря на потолки.

1921

Мы здесь вдали от сугробов...

Мы здесь вдали от сугробов,
От снежных метелей твоих,
Такого веселья попробуйте!
Но нет нам путей других.

Оторванный ком не вернется,
Хотя бы ветер попутный был,
Он только отчаянно бьется,
Растает, как дыма клубы.

Ничего, Иван, приготовьте
Мне сегодня новый фрак.
Почисти хорошенько локоть, —
А как здоровье собак?

А там далеко в сугробах,
Голодная, в корчах родов,
Россия колотится в гробе
Среди деревень, городов.

На палубах Летучего Голландца...

На палубах Летучего Голландца
Так много появилось крыс...
И старый капитан, обрызганный багрянцем,
Напрасно вспоминал ветры...

И в капище у белой дьяволицы
С рогами и младенцем на руках,
Напрасно костяки молились,
Напрасно светилась во впадинах тоска...

На пальцах высохших сверкали изумруды,
И грызли призрачные ноги стаи крыс,
И кости издавали запах трупный,
И были кости от прожорливых мокры...

А там... на розовых архипелагах...
Средь негров с первобытным запахом зверей
Потомков развевались флаги.
Вставало солнце на усеченной горе...

Февраль 1921

Умолкнет ли проклятая шарманка?.

Умолкнет ли проклятая шарманка?
И скоро ль в розах, белых и пречистых,
Наш милый брат среди дорог лучистых
Пройдет с сестрою нашей обезьянкой?

Не знаю я... Пути Господни – святы,
В телах же наших – бубенцы, не души.
Стенать я буду с каждым годом глуше:
Я так люблю Спасителя стигматы!

И через год не оскорблю ни ветра,
Ни в поле рожь, ни в доме водоема,
Ни сердца девушки знакомой,
Ни светлого, классического метра...

Петербургцы

Мы хмурые гости на чуждом Урале,
Мы вновь повернули тяжелые лиры свои:
Эх, Цезарь безносый всея Азиатской России
В Кремле Белокаменном с сытой сермягой, внемли.

Юродивых дом ты построил в стране белопушной
Под взвизги, под взлеты, под хохот кумачных знамен,
Земля не обильна, земля неугодна,
Земля не нужна никому.

Мы помним наш город,
Неву голубую, Медвяное солнце, залив облаков,
Мы помним Петрополь и синие волны,
Балтийские волны и звон площадей.

Под нами храпят широкие кони,
А рядом мордва, черемисы и снег.
И мертвые степи, где лихо летают знамена,
Где пращуры встали, блестя, монгольской страны.

За осоку, за лед, за снега...

За осоку, за лед, за снега,
В тихий дом позвала, где звенели стаканы.
И опять голубая в гранитах река
И сквозные дома и реянье ночи.

Эй, горбатый, тебя не исправит могила.
Голубую Неву и сквозные дома
И ступени, где крысы грохочут хвостами,
В тихий дом ты привел за собой.

Вечером желтым как зрелый колос...

Вечером желтым как зрелый колос
Средь случайных дорожных берез
Цыганенок плакал голый

Вспоминал он имя свое

Но не мог никак он вспомнить
Кто, откуда, зачем он здесь
Слышал матери шепот любовный
Но не видел ее нигде.

На дороге воробьи чирикают
Чирик, чирик и по дороге скок
И девушки уносят землянику
Но завтра солнце озарит восток.

16 мая 1921

ПЕТЕРБУРГСКИЕ НОЧИ

Перевернул глаза и осмотрелся...

Перевернул глаза и осмотрелся:
Внутри меня такой же черный снег,
Сутулая спина бескрылой птицей бьется,
В груди моей дрожит и липнет свет.

И, освещенный весь, иду я в дом знакомый
И, грудью плоскою облокотясь о стол,
Я ритмы меряю, выслушиваю звоны,
И муза голая мне руку подает.

I

В твоих глазах опять затрепетали крылья...

В твоих глазах опять затрепетали крылья
Кораблей умерших голубые паруса
Может быть, новые острова открыли
Может быть к новым стремятся небесам.

Или в трюмах проснулись невольники
Зачарованные Призраком в шутовском колпаке
Руки протягивают и смотрят в волны
Розовое солнце качается вдалеке.

Или птицы запели на мачтах
На соленых канатах обезьянка сидит
Сидит цветная и играет мячиком
Розовым солнцем на маленькой груди.

Сегодня сильный мороз на улице
Твои ножки озябли, ближе к огню садись
Кораблей умерших паруса не раздулись
Никаких островов не видно впереди.

В глазах арапа ночь и горы...

В глазах арапа ночь и горы
Скользит холодный скользкий Стикс
И вихрь бьет из глаз упорный
Фонтаны, статуи, кусты.

И этот вечер благовонный
Уже вдыхать я не смогу
Но буду помнить я балконы
Озер зеленых шелковистый гул.

У милых ног венецианских статуй...

У милых ног венецианских статуй
Проплакать ночь, проплакать до утра
И выйти на Неву в туман, туман косматый,
Где ветер ржет, и бьет, и скачет у костра.

Табун, табун ветров копытами затопчет
Мой малый дом, мой тихий Петербург,
И Летний сад, и липовые почки,
И залетевшую со Стрелки стрекозу.

Перевернутся звезды в небе падшем...

Перевернутся звезды в небе падшем
И вихрь дождем мне окропит глаза
Уйду я черною овцой на пашни
Где наш когда-то высился вокзал

Деревья ветви в лиру сложат
Я носом ткну и в ночь уйду
И ветер лиры звон умножит
Последний звон в моем саду.

В воздух желтый бросят осины...

В воздух желтый бросят осины

Запах смолы и серого мха
Выйдет девушка в поле синее
Кинет сердце в песчаный ухаб

А в подвале за розовой шторой
Грешное небо держа в руке
Белый юноша с арапом спорит
Черным арапом в фригийском колпаке.

Грешное небо с звездой Вифлеемскою...

Грешное небо с звездой Вифлеемскою
Милое, милое баю, бай.
Синим осколком в руках задремлешь
Белых и нежных девичьих гробах.

Умерла Восточная звезда сегодня
Знаешь, проходя у синих ворот
Ветер идет дорогой Новогодней
Ветер в глазах твоих поет.

II

Синий, синий ветер в теле...

Синий, синий ветер в теле
В пальцах моих снега идут.
Сердце холодный серп метелей
Мертвая Луна в Господнем саду

Друг засвети скорей лампадку
И читай вслух Евангелие.
Пахнет трупом ночная прохлада
Тихо.

Пусть сырою стала душа моя...

Пусть сырою стала душа моя
Пусть земным языком в теле бродит.
Ветер убил и смял

Розы в моем огороде

Но еще встал на заре
Но еще вдыхаю запах солнца
Вчерашнее солнце в большой дыре
Кончилось.

С Антиохией в пальце шел по улице...

С Антиохией в пальце шел по улице,
Не видел Летний сад, но видел водоем,
Под сикоморой конь и всадник мылятся.
И пот скользит в луче густом.

Припал к ногам, целуя взгляд Гекаты,
Достал немного благовоний и тоски.
Арап ждет рядом черный и покатый
И вынимает город из моей руки.

Намылил сердце – пусть не больно будет...

Намылил сердце – пусть не больно будет
Поцеловал окно и трупом лег
В руках моих Песнь Песней бродит
О виноградной смуглости поет.

Еще есть жемчуга у черного Цейлона
В Таити девушки желтее янтаря
Но ветер за окном рекламу бьет и стонет
Зовет тонуть в ночных морях.

В соседнем доме свет зажгли вечерний
Еще не верят в гибель синих дней
Но друг мой лижет руки нервно
И слушает как умолкает сад во мгле.

Снова утро. Снова кусок зари на бумаге.
Только сердце не бьется. По-видимому, устало.
Совсем не бьется... даже испугался
Упал.

Стол направо – дышит, стул налево – дышит.
Смешно! а я не смеюсь.
Успокоился.

Бегает по полю ночь...

Бегает по полю ночь.
Никак не может в землю уйти.
Напрягает ветви дуб
Последним сладострастьем,

А я сижу с куском Рима в левой ноге.
Никак ее не согнуть.
Господи!

Ш

Каждый палец мой – умерший город...

В.Л.

Каждый палец мой – умерший город
А ладонь океан тоски
Может поэтому так мне дороги
Руки твои.

В соленых жемчугах спокойно ходит море...

В соленых жемчугах спокойно ходит море —
Пустая колыбель! Фонарь дрожит в руке...
Снега в глазах но я иду дозором,
О, как давно следов нет на песке.

Уснуть бы здесь умершими морями.
Застывший гребень городов вдыхать.
И помнить, что за жемчугом над нами
Другой исчезнул мир средь зелени и мха.

Возлюбленная пой о нашем синем доме

Вдыхай леса и шелести травой
Ты помнишь ли костры на площади огромной,
Где мы сидели долго в белизне ночной.

Спит в ресницах твоих золоченых...

Спит в ресницах твоих золоченых
Мой старинный умерший сад,
За окном моим ходят волны,
Бури свист и звезд голоса,

Но в ресницах твоих прохлада,
Тихий веер и шелест звезд.
Ничего, что побит градом
За окном огород из роз.

Упала ночь в твои ресницы...

В.Л.

Упала ночь в твои ресницы,
Который день мы стережем любовь;
Антиохия спит, и синий дым клубится
Среди цветных умерших берегов.

Орфей был человеком, я же сизым дымом.
Курчавой ночью тяжела любовь, —
Не устеречь ее. Огонь неугасимый
Горит от этих мертвых берегов.

Покрыл, прикрыл и вновь покрыл собою...

Покрыл, прикрыл и вновь покрыл собою
Небесный океан наш томный, синий сад,
Но так же нежны у тебя ладони,
Но так же шелестят земные небеса.

Любовь томит меня огромной, знойной птицей,
Вдохнуть смогу ль я запах милых рук?
Напрасно машут вновь твои ресницы,
Один останусь с птицей на ветру.

Опять у окон зов Мадагаскара...

Опять у окон зов Мадагаскара,
Огромной птицей солнце вдаль летит,
Хожу один с зефиром у базара,
Смешно и страшно нам без солнца жить.

Как странен лет протяжных стран Европы,
Как страшен стук огромных звезд,
Но по плечу меня прохожий хлопнул —
Худой, больной и желтый, как Христос.

Камин горит на площади огромной...

Камин горит на площади огромной
И греет девушка свой побледневший лик.
Она бредет еврейкою бездомной,
И рядом с нею шествует старик.

Луна, как червь, мой подоконник точит.
Сырой табун взрывая пыль летит
Кровавый вихрь в ее глазах клокочет.
И кипарисный крест в ее груди лежит.

Один бреду среди рогов Урала...

Один бреду среди рогов Урала,
Гул городов умолк в груди моей,
Чернеют косы на плечах усталых, —
Не отрекусь от гибели своей.

Давно ли ты, возлюбленная, пела,
Браслеты кораблей касались островов,
Но вот один оплакиваю тело,
Но вот один бреду среди снегов.

IV

В нагорных горнах гул и гул, и гром...

В нагорных горнах гул и гул, и гром,
Сквозь груды гор во Мцхетах свечи светят,
Под облачным и пуховым ковром
Глухую бурю, свист и взвизги слышишь?

О, та же гибель и для нас, мой друг,
О так же наш мохнатый дом потонет.
В широкой комнате, где книги и ковры,
Зеленой лампы свет уже не вздрогнет.

И умер он не при луне червонной...

И умер он не при луне червонной,
Не в тонких пальцах золотых дорог,
Но там, где ходит сумрак желтый,
У деревянных и хрустящих гор.

Огонь дрожал над девой в сарафане
И ветер рвал кусок луны в окне,
А он все ждал, что шар плясать устанет,
Что все покроет мертвый белый снег.

Крутись же, карусель, над синею дорогой,
Подсолнечное семя осыпай,
Пусть спит под ним тяжелый, блудный город,
Души моей старинный, черный рай.

Я встал пошатываясь и пошел по стенке...

Я встал пошатываясь и пошел по стенке
А Аполлон за мной, как тень скользит
Такой худой и с головою хлипкой
И так протяжно, нежно говорит:

«Мой друг, зачем ты взял кусок Эллады,

Зачем в гробу тревожишь тень мою!»
Забился я под злобным жестким взглядом
Проснулся раненый с сухой землей во рту.

Ни семени ни шелкового зуда
Не для любви пришел я в этот мир
Мой милый друг, вдави глаза плечами
И обверни меня изгибом плеч твоих.

Палец мой сияет звездой Вифлеема...

Палец мой сияет звездой Вифлеема
В нем раскинулся сад, и ручей благовонный звенит,
И вошел Иисус, и под смоквой плакучею дремлет
И на эллинской лире унылые песни твердит.

Обошел осторожно я дом, обреченный паденью,
Отошел на двенадцать неровных, негулких шагов
И пошел по Сенной слушать звездное тленьё
Над застывшей водой чернокудрых снегов.

Чернеет ночь в моей руке подъятой...

Чернеет ночь в моей руке подъятой,
Душа повисла шаром на губах;
А лодка все бежит во ржи зеленоватой,
Пропахло рожью солнце в облаках.

Что делать мне с моим умершим телом,
Зачем несусь я снова на восход;
Костер горел и были волны белы,
Зачем же дверь опять меня зовет?

Бреду по жести крыш и по оконным рамам,
Знакомый запах гнили и болот.
Ходил другой с своею вечной дамой,
Ходил внизу и целовал ей рот.

Темнеет море и плывет корабль...

Темнеет море и плывет корабль
От сердца к горлу сквозь дожди и вьюгу
Но нет пути и пухнут якоря
Горячим сургучом остекленели губы

Их не разъять не выпустить корабль
Матросы в шубах 3-й день не ели
Напрасно всходит глаз моих заря
Напрасно пальцы бродят по свирели.

V

Вышел на Карповку звезды считать...

Вышел на Карповку звезды считать
И аршином Оглы широкую осень измерить
Я в тюбетейке на мне арестантский бушлат
А за спиной Луны перевитые песни.

Друг мой студентом живет в малой Эстонской стране
Взял балалайку рукой безобразной
Тихо выводит и поет и ночи поет
И мигает затянутым пленкою глазом.

Знаю там девушки с тающей грудью как воск
Знаю там солнце еще разудалой и милой Киприды
Но этот вечер холодный тяжелый как лед
Перс мой товарищ и лейтенант Атлантиды

Перс не поймет только грустно станет ему
Вспомнит он сад и сермяжные волжские годы
И лейтенант вскинет глаза в темноту
И услышит в домах голоса полосатого моря.

Прохожий обернулся и качнулся...

Прохожий обернулся и качнулся
Над ухом слышит он далекий шум дубрав
И моря плеск и рокот струнной славы
Вдыхает запах слив и трав.

«Почудилось, наверное, почудилось!
Асфальт размяк, нагрело солнце плешь!»
Я в капоре иду мои седые кудри
Белей зари и холодней чем снег.

Ты догорело солнце золотое...

Ты догорело солнце золотое
И я стою свечою восковой
От пирамид к декабрьскому покою
Летит закат гробницей ледяной

Ко мне старик теперь заходит непрестанно
Он механичен разукрашен и певуч.
Но в сундуке его былой зари румянец
Широкий храм и пара белых туч.

Петербургский звездочет

I

Дыханьем Ливии наполнен Финский берег.
Бреду один средь стогов золотых.
Со мною шла чернее ночи Мэри,
С волною губ во впадинах пустых.
В моем плече тяжелый ветер дышит,
В моих глазах готовит ложе ночь.
На небе пятый день
Румяный Нищий ищет,
Куда ушла его земная дочь.
Но вот двурогий глаз повис на небе чистом,
И в каждой комнате проснулся звездочет.
Мой сумасшедший друг луну из монтекристо,
Как скрипку отзвеневшую, убьет.

II

В последний раз дотронуться до облаков поющих,
Пусть с потолка тяжелый снег идет,
Под хриплой кущей бархатистых кружев
Рыбак седой седую песнь прядет.
Прядет ли он долины Иудеи

Иль дом крылатый на берегах Невы,
В груди моей старинный ветер рдеет,
Качается и ходит в ней ковыль.
Но он сегодня вышел на дорогу,
И с девушкой пошел в мохнатый кабачок.
Он как живой, но ты его не трогай,
Он ходит с ней по крышам широко.
Шумит и воеет в ветре Гала-Петер
И девушка в фруктовой слышит струны арф,
И Звездочет опять прядет в своей карете
И над Невой клубится синий звездный пар.
Затем над ним, подъявля крест червонный,
Качая ризой над цветным ковром,
Священник скажет: —
Умер раб Господний, —
Иван Петров лежит в гробу простом.

III

Мой дом двурогий дремлет на Эрмоне
Псалмы Давида, мята и покой.
Но Аполлон в столовой ждет и ходит
Такой безглазый, бледный и родной.

IV

Рябит рябины хруст под тонкой коркой неба,
А под глазами хруст покрытых пледом плеч,
А на руке браслет, а на коленях требник,
На голове чалма. О, если бы уснуть!
А Звездочет стоит безглазый и холодный,
Он выпил кровь мою, но не порозовел,
А для меня лишь бром, затем приют Господень
Четыре стороны в газете на столе.

VI

У каждого во рту нога его соседа...

У каждого во рту нога его соседа,
А степь сияет. Летний вечер тих.
Я в мертвом поезде на Север еду, в город
Где солнце мертвое, как лед блестит.

Мой путь спокоен улеглись волненья
Не знаю, встретит мать? пожмет ли руку?
Я слышал, город мой стал иноком спокойным
Торгует свечками поклоны бьет

Да говорят еще, что корабли приходят
Теперь приходят когда город пуст
Вино и шелк из дальних стран привозят
И опьяняют мертвого и одевают в шелк.

Эх, кочегар, спеши, спеши на север!
Сегодня ночь ясна. Как пахнет трупом ночь!
Мы мертвые Иван, над нами всходит клевер
Немецкий колонист ворочает гумно.

Стали улицы узкими после грохота солнца...

Стали улицы узкими после грохота солнца
После ветра степей, после дыма станиц...
Только грек мне кивнул площадная брань в переулке,
Безволосая Лида бежит подбирая чулок.

Я боюсь твоих губ и во рту твоём язва.
Пролетели те ночи городской и небесной любви.
Теплый хлев, чернокудрая дремлет Марыся
Под жестоким бычьим полушубком моим.

Все же я люблю холодные жалкие звезды...

Все же я люблю холодные жалкие звезды
И свою опухшую белую мать.
Неуют и под окнами кучи навоза
И траву и крапиву и чахло растущий салат.

Часто сижу во дворе и смотрю на кроличьи игры
Белая выйдет Луна воздух вечерний впивать
Из дому вытащу я шкуру облезлую тигра.
Лягу и стану траву, плечи подьемля, сосать.

Да, в обреченной стране самый я нежный и хилый
Братья мои кирпичи, Остров зеленый земля!
Мне все равно, что сегодня две унции хлеба
Город свой больше себя, больше спасенья люблю.

Рыжеволосое солнце руки к тебе я поднимаю...

Рыжеволосое солнце руки к тебе я поднимаю
Белые ранят лучи, не уходи я молю
А по досчатому полу мать моя белая ходит
Все говорит про Сибирь, про полянику и снег.

Я занавесил все окна, забил подушками двери

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.